

«Кто скажет: нет одежды?»

— ...С середины одиннадцатого месяца в Мобэй не прекращаются снегопады. Бедствие затянулось, и ныне земля усыпана телами павших от голода; числу же тех, кто замерз в своих домах, нет счета. С самого начала снежного бурана сановники один за другим подают прошения, умоляя Его Величество издать «Указ о признании вины», дабы снискать милость Небес, вымолить прощение для дольного мира и остановить стихию. Сам же государь с первых дней бурана занемог и вот уже тринадцать дней не являлся на утренний прием.

Голос сказителя, звучный и зычный, разносился далеко за пределы ширмы, достигая и общих столов, и уединенных кабинетов.

Как только он заговорил, шум в трактире стих. Люди замерли, внимая каждому слову. Если кто-то ненароком гремел посудой или громко отодвигал стул, на него тут же бросали гневные взгляды.

— По велению Его Величества, дела государственные, как великие, так и малые, переданы в ведение Второго принца. Ему же поручено составить от имени государя «Указ о признании вины», дабы сжечь его и тем возвестить Небеса о покаянии. Стало известно, что на днях правительство направило в Мобэй обозы с продовольствием под усиленной охраной. Кроме того, войскам из города Аньчэн, что стоит к югу от пострадавших земель, велено выдвинуться на подмогу для совместной борьбы со стихией...

Чу Цы слушал очень внимательно.

«В этом есть какое-то странное чувство дежавю, — подумал он. — Будто я, оказавшись в глубокой древности, внезапно попал на выпуск вечерних новостей».

Пусть известия и не были первой свежести — пока весть дошла до уезда, минуло немало дней, — суть оставалась ясной. Из слов сказителя следовало, что дела при дворе идут неважно. «Указ о признании вины» изначально задумывался мудрецами прошлого как средство самопознания правителя. Теперь же его использовали как орудие давления, вынуждая императора признать ошибки своего правления. Считалось, что именно из-за прегрешений монарха Небо шлет знамения в виде природных катастроф.

Император Цзяю правил уже сорок два года, и было ему около шестидесяти пяти. В таком возрасте любая хворь опасна. Если удача отвернется от него, в будущем году на трон может взойти новый властелин.

Наследников у государя было немного: Первый принц скончался от простуды, не успев даже достичь совершеннолетия; Третий принц страдал врожденным недугом легких и не мог прожить и дня без горьких отваров. Выходило, что опорой престола оставался лишь Второй

принц. Впрочем, и его здоровье, по слухам, оставляло желать лучшего.

— Эх, не думал я, что Мобэй постигнет такая беда. Земли там и без того скудные, а теперь еще эти бесконечные снега... Как же им выжить? — Чжан Вэньхай тяжело вздохнул, прерывая размышления Чу Цы.

— Правительство уже направило провизию и войска. Будем надеяться, это поможет им выстоять, — отозвался Фан Цзиньян, хотя по его лицу было видно, что юноша не слишком верит в успех.

— Скорее всего, в будущем году для тех краев снизят подати, тогда им станет полегче, — попытался утешить друзей Чэнь Цзыфан.

— Боюсь, к тому времени в живых останется едва ли один из десяти...

Слова Чу Цы заставили всех примолкнуть. Даже в его родном мире, при всех достижениях науки и техники, природа порой наносила сокрушительные удары. Что уж говорить о древности?

«Надеюсь, мои записи о мерах борьбы со стихией уже достигли цели, — размышлял он. — Хоть бы они смогли помочь тем людям».

В такие минуты они, как братья по крови, не могли не сопереживать участи жителей северных пустынь. Изысканные яства и доброе вино внезапно стали казаться безвкусными, словно жевали сухую солому. Тем не менее, никто не отложил палочки — выбрасывать еду, когда другие голодают, считалось истинным кощунством. Там, в Мобэе, десятки тысяч людей мучаются от голода, и кто знает, не дошло ли уже до того крайнего отчаяния, когда соседи обмениваются детьми, чтобы не умереть с голоду.

Друзья, собиравшиеся провести вечер в веселье, возвращались домой в подавленном настроении. Дойдя до развилки, Чэнь Цзыфан почтительно попрощался, а троица направилась к переулку Чистой воды.

Предположения Чу Цы оказались верны. Стоило инспектору Мо получить записи о мерах против снежных завалов, как он той же ночью помчался в главный город области. Там он передал труд инспектору по образованию Чжу, а тот, в свою очередь, немедля отправил срочное донесение в столицу.

Наставником и покровителем инспектора Чжу был не кто иной, как министр Ведомства ритуалов Чжоу Гуан — один из столпов фракции реформаторов и сторонник правого канцлера.

Получив депешу, Чжоу Гуан немедленно собрал своих людей. После обсуждений план был представлен двору, и императорским уполномоченным по распределению помощи назначили Гу Юаня — сановника из их круга.

Этот ход изрядно поумерил пыл сторонников Левого канцлера. И тогда же имя Чу Цы, значившееся в длинном списке авторов стратегии в самом конце, впервые попало в поле зрения столичных верхов.

Пока Гу Юань со своими людьми только держал путь к Мобэю, войска из Аньчэна уже достигли цели.

Командовал ими помощник командующего Тун И. Он взял под своим началом два отряда тысячников, общее число воинов составило две тысячи двести сорок человек.

Один тысячник ведал десятью сотнями, а в каждой сотне было по два главы знамени — итого сто двенадцать бойцов под началом одного сотника.

— Воины! Прежде народ кормил и поил нас, ныне же настал наш черед послужить ему. Мобэй скован снежным пленом. Наша задача — отыскать каждого, кто оказался в ловушке! — Громовой голос Тун И разносился над заснеженным полем.

В ответ стояла мертвая тишина. Лица солдат были суровы, а у многих глаза уже налились кровью от сдерживаемых слез. Аньчэн находился всего в двух сотнях ли от Мобэя. Почти половина солдат была набрана из этих краев. Сейчас их родные деревни завалены снегом. Вернутся ли они к семейному очагу или найдут лишь остывшие тела?

Как бы то ни было, они должны их найти. Отыскать, а не просто спасти.

Мобэй был обширным уездом с редким населением: семь городков и более двадцати деревень. После смотра Тун И собрал двадцатерых сотников, чтобы распределить участки поиска. Помощь жителям городков взяли на себя местные ямэни. Воинам же предстоялоделиться: каждой сотне — по одной-две деревни. Одни селения располагались на равнине, и путь к ним был открыт, другие же таились в горах, где тропы были круты и опасны.

— Вот список всех селений. Решайте, кто куда направится. Кто выбрал место — забирайте карту.

Сотники переглядывались. Каждому хотелось получить участок полегче — так и людей спасти проще, и своих бойцов сберечь. Но никто не решался протянуть руку первым: выберешь хорошее место — товарищи затаят обиду, возьмешь трудное — сам окажешься в убытке.

И тут вперед шагнул один из офицеров. Он молча взял карты деревень Хулу и Модоу — самых глухих и труднодоступных мест.

— Тысячник Коу, ты хорошо подумал? — резко спросил Чжан Ци, накрывая ладонью карту.

Он был одним из тысячников и из всех своих подчиненных больше всего ценил именно Коу Цзина. Видя, как его лучший воин добровольно идет на самый опасный участок, тысячник не мог промолчать.

Стоявший рядом тысячник Чжао, не дожидаясь ответа, усмехнулся:

— Редкая отвага для молодого человека. Зачем же ты его останавливаешь, брат Чжан? Пусть идет. А остальным советую поторапливаться. Что вы застыли, как девицы на выданье?

После этих слов остальные командиры быстро разобрали оставшиеся карты. Самый опасный участок был занят, теперь можно было не опасаться за свои жизни. Коу Цзин, поймав полный тревоги взгляд Чжан Ци, лишь коротко кивнул и забрал свои чертежи.

Когда распределение закончилось, сотники разошлись, чтобы собрать людей и получить провизию перед выходом.

В лагере Коу Цзина уже ждали два главы знамени и десять глав малых знамен.

— Господин сотник, какой участок нам достался?

Коу Цзин развернул карту и указал на две точки, отмеченные красным.

Один из глав знамени, рослый и плечистый воин по имени Ху Цзюнь, взглянул на карту и внезапно расхохотался. Смех его вскоре сменился хриплым рыданием. Огромный мужчина согнулся в глубоком поклоне перед товарищами, и из его горла вырвалось надрывное:

— Ху Цзюнь... благодарит господина сотника... и всех братьев... за то, что позволили мне это сделать!

Деревни Хулу и Модоу были крошечными — едва ли по десятку дворов в каждой. Люди там жили у подножия гор, кормились плодами земли. Жизнь их была бедной, но мирной. Ху Цзюнь сам был родом из Хулу, а мать его пришла из Модоу. Он вырос на этих тропах и не мог оставить эти селения на волю судьбы.

С тех пор как пришли вести о беде, он сам не свой. Днем еще держался на тренировках, но по ночам в шатре не мог сдерживать стонов отчаяния. Говорят, мужчина проливает слезы, только когда горе достигло предела. Все его родные и соседи оказались погребены под снегом. Даже

каменное сердце не осталось бы безучастным.

Узнав о приказе, воин готов был лететь на помощь. Но воинский долг суров — без приказа он не мог покинуть строй. И вот они в Мобэе. Знакомые места встретили их гробовой тишиной. Лишь пустые дома сиротливо торчали из-под сугробов, и ни звука родной речи.

Если в уездном городе всё так плохо, что же стало с деревнями?

Ху Цзюнь рвался туда, но не смел просить братьев по оружию рисковать. Те края были глухими, а тропы — гиблыми. Он не имел права губить товарищей ради своих близких. Он решил для себя: выполнит общий приказ, а после выпросит у Коу Цзина отпуск и отправится в горы один. Он и не подозревал, что братья давно всё поняли и вместе с сотником выбрали именно эти деревни.

Другой глава знамени с улыбкой хлопнул его по плечу:

— Ты только это, кончай сырость разводить. А то выл по ночам так, что волки из леса на подмогу прибегут.

Все дружно рассмеялись. Даже на губах Коу Цзина промелькнула едва заметная, мимолетная улыбка.

«Кто скажет: нет одежды? Мы наденем твои плащи». Эти слова о братстве — не пустой звук. Это узы, скрепленные потом и кровью, верность, что не знает преград.

Сотник отправил два малых знамени за провиантом, а с остальными склонился над картой. Ху Цзюнь знал эти места лучше всех. Он провел пальцем по широкой черте главной дороги, а затем указал на едва заметную тропку в стороне.

— Большая дорога хоть и кажется ровной, но кругом одни овраги. Почва там мягкая, чуть что — уйдешь под снег с головой. Мы и в ясные дни там ходили, только цепляясь за деревья. А вот здесь есть тропинка, скрытая от глаз. Охотники проложили ее, спускаясь с гор. Там густой лес и пологие склоны — даже если соскользнешь, не разобьешься. Одно плохо — в тех местах много зверья и змей, люди обычно боятся там ходить. Но сейчас... боюсь, все они уже замерзли.

— Значит, пойдем этим путем, — решил Коу Цзин. — Ты возглавишь третье малое знамя и пойдешь первым. Остальные за тобой.

— Слушаюсь!

Когда совет закончился и воины разошлись, сотник вернулся в свою палатку. Он привычными движениями закрепил на поясе необходимое снаряжение.

Закончив сборы, он уже шагнул к выходу, но внезапно помедлил. Вернувшись к ложу, Коу Цзин снял с шеи кусок теплого нефрита и спрятал его под подушку, прижав им запечатанное письмо.

Затем он тяжело вздохнул и решительно покинул шатер. Теперь его шаг был тверд, а в сердце не осталось ни капли сомнения. Он шел вперед, как и всегда, — с прямой спиной и непоколебимой волей.

<http://bllate.org/book/15354/1422523>